

О МОЕМ УЧИТЕЛЕ

Ш.М. Чынгыштаев – докт. мед. наук, профессор

The author in given article describes the course of life in clinic of the general surgery. The acquaintance and impressions about the instructor of tradition and the basic directions of school of the created I.K. Ahunbaev.

Более 30 лет, а точнее – почти 36, каждое утро хожу на работу в клинику общей хирургии по тенистому, по-домашнему уютному больничному парку. Уже выросло целое поколение новых молодых деревьев. Только у старого здания клиники сохранились могучие старые деревья. Приветливо встречает березовая роща во всей своей красе, чем-то напоминая березовые рощи России, воспеты С. Есениным.

Идя как-то по тенистой аллее мимо оставшихся с давних времен могучих исполинов, я вспомнил давнюю историю. Будучи молодым врачом-ординатором первого года работы в один из пригожих осенних дней воскресным утром я шел в клинику, чтобы перевязать нескольких тяжелых больных. Стояло теплое ясное осеннее утро. Над головой – бездонная синева октябрьского неба. Попрощалось лето и осень полностью вступила в свои права. Весь парк окрасился в багряно-золотистые цвета. С тихим шелестом опадал на землю осенний лист.

По аллее в сторону клиники шел Большой Человек, не спеша, думая о чем-то своем, слегка сутулясь. Я издали узнал Ису Коноевича, догнал, поздоровался, и мы вместе дошли до здания клиники. Он попросил меня зайти через час в кабинет. Выполнив свою работу, я постучался в дверь кабинета. Иса Коноевич пригласил зайти. Он сидел за большим письменным столом, цвета мореного дуба. На столе лежали письма, рукописи, книги. Около часа он беседовал со мной. Его интересовало буквально все, в каких бытовых условиях я живу, чем занимаюсь в свободное время, что я читаю, какие я имею представления по проблемам, которыми занимались в клинике. Задал вопрос: “Какими проблемами хирургии я хотел бы заниматься?”. Я ответил, что меня всегда интересовала торакальная хирургия. Иса Коноевич предложил мне работать в отделении грудной хирургии и изучать вопросы кардиохирургии. Я с благодарностью принял его предложение.

Очень хотелось бы остановиться на той атмосфере, которая царил в клинике. Рабочий день начинался у всех сотрудников с осмотра больных, оперированных ранее. После отчета дежурного персонала отделения проводилась утренняя конференция, где присутствовал весь врачебный персонал. Как правило, председательствовал Иса Коноевич. Самым тщательным образом и с большой ответ-

ственною готовились дежурные врачи к докладу на конференции. От внимания шефа не ускользало буквально ничего. Его интересовали малейшие нюансы в отклонении послеоперационного лечения больных. Все ли было сделано правильно для коррекции того или иного возникшего отклонения, как сотрудники понимают и вникают в суть возникшей проблемы. В коллективе сотрудников клиники высоко было чувство коллегиальности, товарищества, взаимоуважения и взаимопонимания. Старшие коллеги по работе никогда не отказывали в совете, помощи при любых сложных, нестандартных ситуациях своим молодым коллегам, касалось ли это непосредственно работы или каких-то личных дел. У молодежи постоянно было ощущение, что незримо рядом присутствует забота, бережное отношение коллег, порой трогательная опека старших – вот такую обстановку сумел создать в коллективе Иса Коноевич. Это всегда вселяло чувство гордости, взаимоуважения и ответственности за свой коллектив.

Во время конференции я не помню, чтобы какой-либо даже самый сложный вопрос не оставался без ответа. Это была целая школа, направленная на постоянное повышение знаний, квалификации сотрудников, глубоко продуманная, которая, как правило, всегда помогала в ежедневной работе и познания чего-то нового.

Особое место занимает описание проведения обхода И.К. Ахунбаевым. С утра в отделениях наступала тишина. Сколько надежд связывали больные с предстоящим обходом. Они свято верили, что после осмотра Исы Коноевича обязательно наступит выздоровление. Я видел в их глазах любовь, надежду, неподражаемое восхищение. Лечащий врач, докладывая о больных, помнил практически всю историю болезни наизусть, поскольку было неэтично заглядывать в историю болезни, чтобы ответить на вопрос Исы Коноевича. Важное значение придавалось внешнему виду врачей: безукоризненно белого цвета накрахмаленные халаты с колпаком.

С каким вниманием он относился к осмотру больных, как теплели его глаза, когда он видел выздоравливающего пациента. И для каждого из них он всегда мог найти самое заветное слово. Чрезвычайно важное внимание им отводилось процедуре распределения операций. Чтобы выполнить сложное оперативное вмешательство, сотрудник клиники должен был пройти все этапы: второй ассистент, первый ассистент. И только после определенного времени, когда он был уверен в своем сотруднике, что ему можно доверить судьбу больного, тому доверялось выполнить операцию самостоятельно, причем в первое время ему обязательно ассистировал старший опытный коллега. Почти все сотрудники определенное время ассистировали своему руководителю, так как Иса Коноевич оперировал практически во всех разделах хирургии, которые существовали в клинике. И не было у него любимчиков, т.е. кто-либо не мог выполнить оперативное пособие больше и раньше, чем его коллеги. Худшим из человеческих пороков он всегда считал обман. И я не помню, чтобы кто-либо из нас попытался это сделать. Помню его умные глаза, взгляд, которые, казалось, пронизывали насквозь, не все могли выдержать, если были в чем-то виноваты.

Вот так шаг за шагом хирурги постигали азы хирургии. Каждый из сотрудников, как правило, в обязательном порядке выписывал 2–3 хирургических журнала. И мы штудировали их от корки до корки, узнавая о всех передовых технологиях и научных исследованиях, новых методиках лечения. До неприличия неудобно было не знать содержания последнего журнала или вышедшей монографии.

Во все времена святыней в хирургической клинике считался операционный блок, и особенно операционный зал. Свет бестеневых ламп, блеск никелированного и хромированного инструментария, неповторимый запах и трудноописуемая атмосфера, которую ощущаешь, когда переступаешь порог операционной, всегда вызывало волнение.

Пациент доверил свою жизнь хирургу. Часто только он являлся именно тем, кто дает надежду на жизнь. Сколько бессонных ночей, переживаний вместе с близкими переносит человек, прежде чем лечь в хирургическую клинику. Вместе с тем, в те годы большинство людей искренне верили, что они обязательно будут лечиться только в клинике, которой руководит Великий Врач, уже при жизни ставший легендой. Сколько людей обрели право на жизнь после лечения в знаменитой клинике, где им казалось, что даже воздух обладает целительной силой. Надо было только видеть, как Иса Коноевич готовится к каждой операции. Тщательное обследование пациента, безукоризненное

ведение предоперационного периода, продумывание каждой детали предстоящей операции во многом обеспечивали успех предстоящей операции.

И у пациентов клиники, и у ее сотрудников никогда не возникало сомнения, что Иса Коноевич не выполнит какое-то фантастически трудное оперативное вмешательство. Сложнейшие по тем временам операции длились часто по нескольку часов. Сколько сил, физических и духовных, энергии уходило у него на выполнение подчас труднейшей операции. Самые сложные оперативные вмешательства первым в клинике всегда начинал выполнять сам, затем осваивали его ближайшие помощники. Сколько выполнено их для коррекции осложнений, возникших после вмешательств выполненных ранее в других лечебных учреждениях, а иногда и в клинике. Он прекрасно понимал, на что идет, практически он защищал, оберегал своего коллегу, с которым часто и не был знаком. Только хирурги знают до конца, каково бывает хирургу, чтобы исправить чужие ошибки. Он сознательно подставлял себя и все возможные удары, обиды родственников и близких больных брал на себя. А каково было бы тому хирургу, взявшемуся за повторную операцию, да и с неблагоприятным результатом. Все это могло закончиться и инфарктом, и нарушением мозгового кровообращения, и инвалидностью, и личной трагедией. Надо было иметь большое сердце, обладать в высшей степени человеколюбием и порядочностью, чтобы уметь совершать такие поступки.

В операционной стояла глубокая тишина. Слышались мерный звук работающего дыхательного аппарата и слова шефа: “Скальпель, зажим, тампон”. “Очки” – от безмерного напряжения выступали капли пота, часто буквально заливающие линзы очков. И в этот момент операционная сестра тщательно протирала очки. Вся операционная бригада работала как единый сложный механизм, который не давал сбой. В течение многих лет работая вместе, хирурги буквально с полуслова понимали друг друга. Знали, что необходимо сделать сейчас, в следующую минуту.

Я видел, как на его большой мужской ладони трепетало сердце человека. Сердце на ладони. Какую тяжелейшую работу надо было сделать, чтобы оно заработало вновь. Хирург вторгся в “святая святых” человеческого организма, на котором долгое время лежало табу. И вот наложен последний шов на мышцу сердца, и оно заработало в нормальном режиме. Есть ли большее счастье, чем увидеть, как оно продолжает работать, а это означает, что больной будет жить.

В коридоре с надеждой и мольбой в глазах ожидали близкие больного. И вот долгожданный миг. Распахиваются двери операционного блока и выходит Хирург, который на протяжении многих часов боролся за жизнь больного.

Сколько радости, счастья отражается на их лицах, когда они видят добрую улыбку на лице Врача.

А у него назавтра опять схватка за жизнь, снова надо идти в бой. Итак, дни за днями, недели и годы. Тысячи спасенных жизней. Горячая, искренняя благодарность спасенных больных и их близких.

Мне посчастливилось бывать у нашего шефа дома. Много лет меня связывала близкая дружба с его младшим сыном Медером. Наша дружба началась со студенческой юности, он учился на два курса старше меня с нашим другом Анэсом Зарифьяном – человек, обладающий большим поэтическим даром, первоклассный музыкант, виртуозно играющий на фортепиано, обладающий искрометным юмором (уже на втором курсе у него проявились незаурядные способности режиссера), влюбленный в искусство, остро реагирующий на любую несправедливость, душа компании. Анэс создал в мединституте команду КВН, в которой несколько лет все мы успешно выступали.

Медер обладал приятным баритоном и хорошо играл на гитаре. Он прекрасно знал В. Высоцкого, Б. Окуджаву, к слову, мягко говоря, не сильно популярных из-за действий властей. Как проникновенно пел их песни, успешно играл в спектаклях СТЭМа. С отличием окончил школу, институт. Блестяще защитил кандидатскую диссертацию по проблемам врожденных пороков в Москве. А затем и докторскую, выбрав сложную проблему хирургического сахарного диабета. Более 200 научных трудов, в том числе 18 монографий опубликовал Медер. Его отличала искренняя доброжелательность ко всему окружающему, это все, видимо, передалось ему от отца. Вместе с тем у него была очень ранимая душа. Очень остро, болезненно реагировал на несправедливость, хамство, обман, лицемерие. Прекрасный врач, педагог, его любили студенты и больные, к великому сожалению, он не прожил всего, что было ему отпущено, в расцвете лет, в возрасте 53 лет у него не выдержало сердце.

Когда мы приходили домой, нас встречала обаятельная Бюбюхан Исмаиловна, верная супруга Исы Коноевича, которая прожила счастливо вместе долгие годы, и в одно мгновение ушла вместе с ним из жизни.

Обязательным ритуалом являлась беседа за большим обеденным столом. Расспросы, непринужденная беседа. Когда у Исы Коноевича было свободное время, он обязательно живо интересовался нашей жизнью, проблемами студенчества. В доме всегда присутствовала атмосфера доброты, заботы о близких, гостеприимства. В коридоре стояло фортепиано, на котором иногда играли Медер и Нелли Исаевна.

С Нелли Исаевной я знаком давно и работаю уже более 35 лет. Я вспоминаю обаятельную, красивую, остроумную молодую женщину, тогда самого молодого доктора медицинских наук в СССР. Она получила отличное образование и выбрала трудную профессию хирурга, которая не по плечу многим мужчинам.

Очень хороший хирург, блестящий лектор, прекрасный педагог, она и сегодня полностью себя посвятила воспитанию подрастающего поколения на уровне вузовского образования.

Иса Коноевич первым среди ученых-лириков создал свою научную школу хирургов: проф. Ю.А. Волох, доц. Б.К. Шубладзе, доц. М.М. Мухамедзиев, доц. Н.Ф. Олеференко, доц. О.А. Коккозов, доц. У.Р. Калиев, проф. Х.С. Бебезов, проф. У.Б. Байзаков, проф. Н.И. Ахунбаева, проф. И.С. Фунлоэр, проф. Д.Н. Нурманбетов, проф. Д.С. Рафибеков, член-корр. НАН КР С.Д. Джошибаев, проф. А.Э. Маралов, член-корр. НАН КР М.М. Намазбеков, докт. мед. наук М.И. Ахунбаев, доц. М.Г. Фингер, канд. мед. наук Н.К. Кыдыралиев, доц. Ш.Д. Джумадылов, – вот далеко не полный перечень учеников Исы Коноевича. Каждый из них внес большой вклад в развитие здравоохранения республики. Одних уже нет с нами, а другие продолжают плодотворно трудиться.

О моем первом Учителе написано много. В рамках одной статьи мне хотелось рассказать об одном дне из жизни Исы Коноевича, каким видел его я в те годы, когда выпало счастье работать вместе, встречаться, видеть его и членов семьи.

Все в мире приходящее, вечно только память, память о Великом Ученем, настоящем Человеке.